

SOCIETY – PERSONALITY – POWER: FORMS AND BOUNDARIES OF DIALOGUE

DOI 10.15826/qr.2018.3.323

УДК 94(470)"1780/1792"+316.654+929Екатерина(470)*2

«ДУХОВНЫЙ РЫЦАРЬ» И. ЛОПУХИН: ДИАЛОГ С ВЛАСТЬЮ И СОВЕСТЬЮ*

Елена Приказчикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

I. LOPUKHIN, A “SPIRITUAL KNIGHT”: A DIALOGUE WITH POWER AND CONSCIENCE

Elena Prikazchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the conflict between Moscow Martinists and Catherine II in the second half of the 1780s and early 1790s as reflected in *The Notes of Senator I. Lopukhin*, a famous Freemason and theorist of Moscow Martinism. *The Notes* describe the formation of the “spiritual knight” as one of the variations of the “interior man”, a concept of the anthropological Masonic myth whose theoretical foundations were developed by Lopukhin in his treatises *Some Characteristics of the Interior Church* (1789) and *The Spiritual Knight, or Searching for Wisdom* (1791). *The Notes* not only contain a classic example of spiritual knighthood connected with overcoming one’s own ill will but also aim to protect Masonry as a cultural and religious movement from the ungrounded criticism from the authorities. Lopukhin disputes Catherine II’s anti-Masonic works of the 1780s and exposes the mechanisms behind anti-Masonic public

---

* Citation: Prikazchikova, E. (2018). I. Lopukhin, a “Spiritual Knight”: A Dialogue with Power and Conscience. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 3, p. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Цитирование: Prikazchikova E. I. Lopukhin, a “Spiritual Knight”: A Dialogue with Power and Conscience // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3. P. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323 / Приказчикова Е. «Духовный рыцарь» И. Лопухин: диалог с властью и совестью // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

opinion in Russia. He maintains that it is possible to morally defeat one's oppressors by means of one's own virtue combined with the ruler's good will, as it is their task to decide the fate of the unjustly convicted spiritual knight. Despite the fact that cases of the ruler acting in accordance with her conscience were singular and did not influence Catherine's decision concerning the sentences of other Moscow Martinists, for Lopukhin such a demonstration of mercy was symbolic. He argues that any person is capable of spiritual rebirth, be it Samolyubov, a landowner from his *The Triumph of Justice and Virtue, or the Good Judge*, or an autocratic ruler of a vast empire.

Keywords: Masonry; *The Notes of Senator I. Lopukhin*; Catherine II; 1792 reprisals against Moscow Martinists.

Рассматривается конфликт между московскими мартинистами и Екатериной II во второй половине 1780-х – начале 1790-х гг., который нашел свое отражение в «Записках сенатора И. Лопухина» – известного масона и теоретика московского мартинизма. В «Записках» происходит моделирование типа «духовного рыцаря» как одного из вариантов «внутреннего человека» антропологического масонского мифа, теоретические основы которого были разработаны Лопухиным в трактатах «Некоторые черты о внутренней церкви» (1789) и «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (1791). В «Записках» не только представлен классический пример духовного рыцарства, сопряженного с преодолением собственной «злой воли», но и реализуется задача защиты от бездоказательной критики властей самого масонства как культурно-религиозного сообщества. Лопухин вступает в полемику с антимасонским творчеством Екатерины II 1780-х гг. и разоблачает механизм формирования антимасонского общественного мнения в России. Возможность одержать моральную победу над своими гонителями он видит в соединении своей добродетельности и добрых чувств правителя, в руках которого находится судьба несправедливо осужденного «духовного рыцаря». Хотя подобный пример пробуждения совести оказывается частным случаем, не повлиявшим на приговор императрицы Екатерины II другим московским мартинистам, для Лопухина данный случай милости власти становится символичным. Он подтверждает возможность духовного возрождения любого человека, будь это помещик Самолюбов из драмы Лопухина «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судия» или самодержавный правитель огромной империи.

Ключевые слова: масонство; «Записки сенатора И. Лопухина»; Екатерина II; правительственные репрессии против московских мартинистов 1792 г.

Златая древа ветвь, о ты, мой друг почтенный,
Любимый музами, Минервой просвещенный,
Которого отец преходит полный век,
Сын нежный, верный друг, честнейший человек!
Твоя мне, Лопухин, разумная беседа,
Полезней многих книг, библейска слаще меда...

М. Херасков

Известный мемуарист, автор «Записок сенатора И. Лопухина», видный государственный деятель Российской империи II половины XVIII в., сенатор и действительный тайный советник Иван Владимирович Лопухин был одним из главных теоретиков русского масонства. Его перу принадлежат трактаты «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (1791) и «Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели» (1789), что позволило Н. К. Пиксанову назвать Лопухина ведущим «теоретиком и публицистом русского масонства» [Пиксанов, с. 254]. А. С. Янушкевич видел в трактате «Духовный рыцарь» «первый в русском общественно-культурном сознании опыт воспитания “внутреннего человека”» [Янушкевич, с. 156]¹.

Масонство в России во второй половине XVIII в. было мощной организацией, которая ставила перед собой цель объединить людей в братский союз для увеличения добра в мире, выработав этическую программу поведения человека. Масонский миф о человеке составляет важнейшую часть масонского учения. По справедливому мнению А. И. Болдырева, мировоззрение масонов было связано «с главной задачей масонских теоретиков – познанием “Божественной” сущности человека и с этих позиций определением смысла и цели его бытия» [Болдырев, с. 79].

В масонской антропологии человек рассматривался как падшее существо, «ветхий Адам», который благодаря остающемуся внутри него «Божественному свету», собственным усилиям и Божественной милости может пройти путь внутреннего духовного возрождения, имея в качестве образца пример Богочеловека Иисуса Христа. Масонский

Д. Г. Левицкий. Портрет
И. В. Лопухина. 1802

D. Levitsky. Portrait
of I. Lopukhin. 1802

¹ Помимо указанных работ, этическая составляющая масонского жизнестроительства затрагивалась в исследованиях: [Лонгинов, 1857; Лонгинов, 2000; Русские вольнодумцы; Вернадский; Лотман; Сахаров, 2000].

Среди работ последних лет, посвященных творчеству И. В. Лопухина, можно назвать кандидатскую диссертацию Т. А. Драгайкиной [Драгайкина, 2011].

миф о человеке являлся, по существу, мистерией возрождения человеческого духа, совлечения с него оболочки «ветхого» Адама. При этом масоны считали, что истинным христианином можно стать, только пройдя через длинный трудный путь искушений плотского мира, его страстей, совершая насилие над собственной «злой» волей. По мысли В. И. Сахарова, «лишь возрожденный человек может упорядочить, просветлить духом и верой, гармонизировать неустроенный мир косной материи и привести человечество к новому веку Астреи, блаженству, гармонии, честному миру...» [Сахаров, 1996, с. 10].

Свое знание о «внутреннем человеке» масоны главным образом черпали из трактата немецкого религиозного писателя XVI–XVII вв. Иоганна Арндта «Об истинном христианстве» (1605–1608). Ценность и авторитетность трактата в масонской среде объяснялись тем, что И. Арндт, комментируя библейский текст, доказывает, что учение о «внутреннем человеке» целиком и полностью заключено в тексте Священного Писания, а сам «внутренний человек» «есть обновленный образ Божий в нас», который «верует, любит, надеется, страдает, терпит, молится, воздыхает, Бога боится, почитает, исповедует и мир побеждает» [Арндт, с. 15, 20].

Н. А. Бердяев связывал наступление «эпохи разрыхления русской души», когда она «стала восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям», именно с деятельностью масонов, когда стала «образовываться русская всечеловечность, характерная для XIX века» [Бердяев, с. 20]. Начало данной эпохи можно связать с духовной деятельностью Лопухина, который к моменту создания своих трактатов вышел в отставку в чине статского советника с должности председателя Московской губернской уголовной палаты, имея за плечами большой опыт борьбы с жестокостью российского уголовно-процессуального кодекса, предписывавшего «исправлять» преступников при помощи кнута.

Трактат «Духовный рыцарь» (1791) стал первым в русском общественно-культурном сознании опытом воспитания «внутреннего человека», который должен «стараться распространять благонравие и делами, и словами, и произведениями разума, по силам и способностям своим» [Лопухин, 1994, с. 4]. Все испытания, которые встают на пути Ищущего Брата при его посвящении в Общество Рыцарей, – это путешествие к Источнику Света, после достижения которого Брат получает новое имя и нарицается Зилософос Рыцарь N. N. В художественной литературе масонства этот путь будет прекрасно отражен в поэме М. М. Хераскова «Владимир Возрожденный», где возрождение князя Владимира как раз и означает переход от «тварного» человека, «ветхого Адама» к человеку «внутреннему». В трактате Лопухина «Некоторые черты о Внутренней церкви» (1789) сам эпитет «внутренний» обретает глубоко символический смысл, так как все словесные формулы, включая «обновление *внутреннего* человека», «средство ко *внутреннему* истинному Христианству», «находясь на *внутреннем* пути»,

«внутреннейшие побуждения сердца», наполняются практическими рекомендациями «о главных средствах на пути к Божественной жизни», о «воспитании духовного рыцаря» [Лопухин, 1816, с. 156– 157]. Сам Лопухин очень высоко ценил это свое произведение, утверждая, что для него «сочинение сей книги будет всегдашним утешением, потому что ощутительная мне помощь Божия в сочинении сем удостоверяет меня в его пользе» [Лопухин, 1860, с. 31]. Книга Лопухина получила европейское признание, вызвав горячее одобрение немецкого масона-мистика Г. Эккартегаузена, назвавшего «книгу сию драгоценною и истинною мудростью исполненную» [Там же]. Однако теория так и осталась бы теорией, не найди она подтверждение и обоснование в «Записках» Лопухина – произведении, в котором находит свое отражение принцип масонского жизнестроительства в эпоху, когда масонская субкультура России подверглась жестокому преследованию со стороны государства и лично императрицы Екатерины II.

Еще до начала правительственных репрессий в начале 1790-х гг. Екатерина II попробовала сражаться с масонами при помощи пера, став автором или, по крайней мере, идейным вдохновителем пяти антимасонских произведений – «Тайны противонелепого общества» (1780), «Общества незнающих» (1783) и трех комедий 1786 г., которые игрались в Эрмитажном театре, – «Обманщик», «Шаман Сибирский», «Обольщенный». Во всех произведениях ставилась цель дискредитации масонства, начиная с его обрядности и кончая идеалом «внутреннего человека», духовного рыцаря. Например, «Тайны противонелепого общества» представляют собой достаточно злую пародию на ритуал приема новых членов в масонское братство, высмеивающую как масонскую обрядность, так и трактовку основных масонских эмблем и масонского катехизиса поведения, являвшихся для братьев новым символом веры. Творя свою культурную мифологию мартиниста как чужого, императрица подчеркивала, что масоны не только шарлатаны и суеверы, но и неразумные малые дети, играющие в жмурки и занимающиеся «обезьянством», то есть делающие необычные странные телодвижения, так как сама по себе походка братьев имела символическое значение и относилась к числу «опознавательных признаков масонов» [Соловьев, с. 291].

Комедии Екатерины II формально направлены против различных «зол» российской действительности, фактически же все они несут ярко выраженный антимасонский заряд. Граф С. П. Румянцев, младший сын фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского, в своей краткой «Автобиографии» под годом 1786 сделал запись: «Мартинисты начали привлекать внимание правительства. Императрица сама сочиняла комедии, дабы их предать поруганию» [Румянцев, стб. 852]. Поругание проявляло себя в создании комических образов масонов, которые вместо борьбы с «ветхим Адамом» за торжество «внутреннего человека» занимаются чревоугодием и выманиванием у русских дворян их богатства. При этом сами масоны могут выступать

и под личиной графа Калиостро, и в образе «шамана сибирского» («Обманщик», «Шамане Сибирский»).

Конфликт императрицы и московских мартинистов раскрывается наиболее ярко в комедии «Обольщенный» [Екатерина II, 1990, с. 300–339]. Императрицу раздражала филантропическая деятельность московских мартинистов, их частная благотворительность, в которой она видела честолобное (а значит, опасное!) желание снискать расположение народа помимо официальной государственной власти. Екатерине II хотелось представить подобную филантропию масонов как корыстолобное предприятие. В комедии читаем: «Они в намерении имеют потаенно заводить благотворительные разные заведения, как то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать к себе людей богатых» [Там же, с. 279]. Положительный герой комедии, дворянин Бритягин, выражающий официальную точку зрения правительства, говорит: «Дела такого рода на что производить сокровенно, когда благим узаконением открыты возможные у нас к таким установлениям удобства?» [Там же, с. 328]. В поведении масонов он видит проявление «своевольного хотения», противопоставленного «издревле принятым и славным законодательствам, утвержденным для общей и частной пользы» [Там же]. Эти серьезные размышления соседствуют с разоблачением мнимых высоких нравственных качеств «внутреннего человека», истинного масона, каковым выступает дворянин Радотов, чье общение с мартинистами так сказалось на его образе мыслей и поведении, что оно начинает пугать его близких. Сами же масоны, по традиции, охотятся за богатством Радотова, скрытым в «в ларце, красною кожею обитом», и одновременно предаются греху чревоугодия.

Объясняя причину враждебного отношения Екатерины II к мартинистам, известный исследователь XIX в. М. Лонгинов писал: «В мартинистах видели людей, составляющих тайное или, по крайней мере, неразгаданное общество, движимое силой, независимой от государства, ведущее усердно какую-то пропаганду, религиозную и филантропическую, под которой можно было, однако, предполагать политический и социальный заговор, готовящий себе орудие в популярности между нуждающимися, которым оно благодетельствовало, распространяя притом начатки какого-то нового религиозного учения. <...> Самый склад ума императрицы, чуждого всему отвлеченному и не вполне объяснимому, и род ее воспитания были причиной ее антипатии к разным богатствам этого рода, которые она считала школами, опасными более или менее для существующего порядка» [Лонгинов, с. 271]. Н. Д. Кочеткова, углубляя причины противоречий, замечала, что нельзя искать их исключительно в политических причинах, например, во влиянии масонов на наследника престола, предполагая, что «в полемике императрицы с масонами отразилось противостояние разных философских и эстетических позиций, разных взглядов на мир, на предназначение человека, на искусство» [Кочеткова, с. 143].

Следует подчеркнуть: конфликт между масонами и Екатериной II не ограничивается лишь политикой, этикой и философией. Во многом он был связан с культивировавшейся с 60-х годов XVIII в. новой литературной политикой императрицы, кардинально менявшей господствующий писательский тип эпохи. Г. П. Федотов в работе «Трагедия интеллигенции» давал следующую характеристику ситуации: «В пышных дворцах Екатерины, в Царском Селе поэты встречаются с орлами-завоевателями; две линии наследников Петровых еще не разошлись. Лавр венчает меч, Державин поет Потемкина, и все на коленях перед Фелицей... Гармония между властью и культурой, как во дни Августа и Короля-Солнца, ничем не нарушается» [Федотов, с. 163].

Завещанный Ломоносовым тип поэта-оратора, просвещающего монарха и пользующегося его неизменным покровительством, постепенно уступает свое место другому типу писателя, идеальный образ которого стал изображаться императрицей Екатериной II еще во «Всякой всячине», где «учености, дидактизму и морализаторству была противопоставлена идея “легкой” словесности, ориентированной на нормы светского салонного разговора и рассчитанной на утонченный вкус придворной дамы» [Ивинский, с. 16]. Основным качеством творчества нового писателя становится «добрая шутка», основанная на «разуме», «здравом понятии» и «уме». «Разумное» поведение в обществе человека, тем более писателя, включает в себя несколько принципов: «1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить Бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения <...> Р. С. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить» [Всякая всячина, с. 142]. Данная установка выступает вразрез с дидактической риторикой масонов, борющихся за торжество «внутреннего человека» и на этом основании высмеивающих профанов, лишенных «зрения» и не способных видеть «свет» истины².

«Записки сенатора Лопухина» в полной мере проникнуты пафосом масонского «возрождения» человека. П. Бартенев, издатель «Русского архива», называл их «апологией выдающегося представителя русского масонства» и считал на этом основании, что «они не отличаются особой искренностью» [Бартенев, с. 1]. Этой же точки зрения придерживался М. Довнар-Запольский, утверждавший: «Известному масону Лопухину весьма нравится венец мученичества, и этим взглядом проникнуты его записки» [Довнар-Запольский, с. 118]. На самом деле у Лопухина искренность и достовер-

---

² Данное высмеивание находило свое отражение во всех жанрах масонской литературы – от оды до романа, сопровождаясь использованием сходной символики, или «иероглифов» вольных каменщиков. Например, профан выступал в роли слепца, не видящего света истины и не стремящегося на Восток в храм Мудрости (Софии, Теантры).

ность повествования как раз и обусловлены тем, что он подчиняет все «Записки» одной высокой нравственной цели – показать «возрождение» человеческой души под влиянием масонской концепции бытия. Поэтому, хотя масонские главы записок (2-я и 3-я) занимают лишь четвертую часть всего текста, именно они составляют его естественную кульминацию.

После написания своих «Записок» (1808–1809) Лопухин стремился сделать свое произведение доступным как можно большему числу читателей. Для этого он активно рассылал его экземпляры своим знакомым, друзьям и единомышленникам. Среди получателей оказался поэт В. А. Жуковский, что объясняется трактовкой Лопухиным своего произведения как автобиографического масонского этического трактата, в котором на примере жизни конкретного человека должно было показать окружающим преимущества масонского типа жизни. При этом долгое время ни самому герою, ни читателям не становится понятно, произойдет ли с ним обещанное «возрождение духа» или нет.

При работе над «Записками» Лопухин не забывал, что он был человеком, находящимся под следствием за свою причастность мартинизму вместе с Н. И. Новиковым и князем Н. Трубецким. В 1792 г., когда в России начались преследования масонов, лидеры которых были арестованы и заключены в Шлиссельбургскую крепость (Н. Новиков), Лопухину в память о заслугах его 90-летнего слепого отца генерал-поручика В. И. Лопухина в качестве наказания были определены конфискация имущества и ссылка в родовое подмосковное имение Савинское³. Поэтому «Записки» Лопухина должны были иметь еще одну важную установку – защитить от поругания и поношений масонство как культурно-религиозное сообщество, доказать (на этом Лопухин категорически настаивает!) его принципиальную тождественность с учением христианской православной церкви. Для этого мемуарист включает в свои «Записки» «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», в котором пытается обосновать данное тождество. На вопрос: «Какая цель Орд[ена] истинных Ф[ранк] М[асонов]?» следует ответ: «Главная цель его та же, что и цель истинного Христианства» [Лопухин, 1860, с. 24]. А на вопрос: «Какое должно быть главное упражнение (работа) истинных Ф. М.?» катехизис отвечает: «Последование Иисусу Христу» [Там же, с. 24]. В целом «Катехизис» представлял собою идейно-нравственную основу масонского творчества

³ Савинское в полной мере реализовало масонскую утопию жизни на лоне природы. Центром парка был «Юнгов остров», носящий имя известного английского поэта-сентименталиста и масона Э. Юнга. Достопримечательностями острова были хижина «пустынника» для уединения и молитвы, храм Дружбы, памятник французскому просветителю Ф. Фенелону. В самой усадьбе и примыкающем к ней парке были установлены бюсты и памятные обелиски в честь Платона, Г. Лейбница и Конфуция, памятник М. Ломоносову в виде перевернутого челна. Масонский дискурс парка символизировала пирамида на пьедестале, украшенном черепом и скрещенными костями. См.: [Драгайкина, 2008].

Лопухина, своеобразный «символ веры», который просто не мог не быть включенным в мемуарный текст.

Композиционно «Записки» делятся на две части, каждой из которых предпослан один и тот же эпиграф из Псалтири: «Человек яко трава, дни его яко цвет сельный» (Пс 102 : 15), который имел для Лопухина мистический смысл. По-гречески слово «νεόφυτος» обычно употреблялось по отношению к людям, желающим получить мистическое просветление, и переводилось буквально как «новая трава» («новонасажденный»). Таким образом, «Записки» Лопухина – это история «просветления» (возрождения) человека, отказывающегося быть профаном, занимающая в общей сложности девять книг-глав.

Во второй главе «Записок» Лопухин пишет о своем масонском опыте 1780-х гг.:

Члены общества сего упражнялись в познании самого себя, творения и Творца по правилам той науки, о которой говорит Соломон в Книге Премудрости, глава VII, ст. 17–22, содержащимся в Библии и в писаниях мужей, непосредственным откровением просвещенных от Бога [Лопухин, 1860, с. 16].

Основной установкой масонского учения по традиции становится задача морального перерождения личности: «Тогда евангельская нравственность будет ему природна, тогда он будет любовью к Богу любить ближнего» [Там же, с. 15]. Эта «любовь к ближнему» в концепции «духовного рыцарства», по сути, составляет основной пафос «Записок» и основу антропологического масонского мифа, не случайно текст определяется Т. А. Драгайкиной как «масонский код в семантике бытового поведения И. В. Лопухина» [Драгайкина, 2011, с. 9]. Примеры подобной «чистой и бескорыстной любви» к человечеству Лопухин проявляет на протяжении всего мемуарного повествования. Это касается и его гуманного, по меркам своего времени, судопроизводства, отвергающего жестокое истязание преступников, и смелой защиты от правительственных притеснений духовоборов, живущих в Слободско-Украинской губернии, и нищелюбия, заставляющего автора, подавая милостыню нуждающимся, не задаваться вопросом, не пропьют ли они полученные деньги в ближайшем кабаке. Лопухин неизменно уверяет читателей, что такое поведение никогда не было для него в тягость, так как всегда он следовал только побуждениям своей натуры: «Это во мне природная склонность, как в иных бывает к разным скотам. Делать удовольствие людям всегда была страсть моя» [Лопухин, 1860, с. 35].

Создавая свою духовную биографию, Лопухин фиксирует ключевые моменты внутреннего развития. Первым из них оказывается смерть матери, к которой мемуарист «отменно... был привязан» [Там же, с. 2]. Описание чувств ребенка, желающего всеми способами сохранить жизнь любимого человека, впоследствии будет использовано Л. Н. Толстым в соответствующей сцене «Детства». Лопухин пишет:

При начале ее болезни, будучи ребенком лет десяти, я очень горячо молился о ее выздоровлении; и вот такая была моя ребяческая молитва! Я помню, что однажды, спрятавшись за занавесок кровати, молился я тихонько и просил Бога очень усердно, чтоб Он лучше отнял у меня палец, и даже всю руку; а только бы она не умерла [Там же, с. 2].

Второй эпизод, очень важный в духовном развитии Лопухина, напоминает соответствующую сцену из «Братьев Карамазовых» (историю возрождения души старца Зосимы). В истории духовного возрождения будущего сенатора эта сцена является знаковой, наполняясь скрытым мистическим смыслом. Лопухин рассказывает, что свою книгу «Некоторые черты о внутренней церкви» он написал в 1789 г., оправляясь после изнурительной лихорадки, продолжавшейся несколько недель, которую называли «верной предвестницей чахотки» [Там же, с. 32]. Болезнь началась у Лопухина в Великий пост. На страстной неделе, в день причастия, прослушав «правило» в комнате отца, мемуарист рассердился на своего камердинера, который не подал ему вовремя умыться. Далее происходит следующая сцена:

Рассердился я до исступления; ругал его, не бил только от говорившего еще несколько во мне чувства долговременной любви к нему и внимания, по отлично хорошему его поведению. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были. Он дрожал, бледнел – синие пятна показывались на лице его. Увидев это, почувствовал я вдруг всю мерзость своего поступка и, залившись слезами, бросился в ноги к моему камердинеру. Можно себе представить, какая это была сцена. Тут мне сказали, что священник пришел с дарами. Я пошел в слезах же и, рыдая, причащаться, – и – причастился подлинно [Там же, с. 32–33].

А ведь к этому времени Лопухин уже семь лет находился в рядах братьев-масонов, стал «мастером стула» розенкрейцеровской ложи «Латона», получив символическое имя Филус, то есть «любящий», а в 1784 г. под управлением Лопухина открылась ложа «Блистающей звезды». Финал сцены знаменателен:

Проводя священника, лег я отдохнуть. Уснул с час и, проснувшись, почувствовал в теле моем такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня в натуре не предполагали. Словом: я проснулся здоров [Там же, с. 33].

«Возродившийся» герой способен к активной проповеди добра, под влиянием которой в «Записках» изменяются и другие люди, включая императрицу Екатерину II, подвергнувшую московских мартинистов, в том числе и Лопухина, жестоким гонениям.

В целом Лопухину в «Записках» удается исследовать сам механизм создания антимасонского общественного мнения 1780-х – начала 1790-х гг., нашедшего поэтическое отражение в державинской оде «На счастье» (1789) («Мартышки в воздухе явились»), инициатором и координатором которого была императрица. На первом этапе масонов критикуют за таинственность их организации, выдвигая аргументы, сходные с аргументами Бритягина из комедии Екатерины II «Обольщенный»: «Порочили особливо тайность общества и его собраний. Для чего, говорили, тайно делать хорошее?» [Лопухин, 1860, с. 17]. Отвечая на данный вопрос, Лопухин, возможно, сознательно вступает в полемику с екатерининским представлением о салонных добродетелях просвещенного светского общества, доказывая:

В собраниях так называемых лучших людей, или публики, не только никогда не говорят, да и не можно говорить о Боге, о добродетели, о вечности, о суете жизни, о том, сколь порочны люди и как нужно им заботиться о нравственном своем исправлении и проч. [Там же, с. 18].

Результатом подобных подозрений стало признание масонов «подозрительными и для спокойства общего небезопасными» [Там же]. На втором этапе преследований происходит активная идеологическая обработка русского дворянского общества, которому внушается мысль о враждебности масонов самим основам русской жизни:

Одни представляли нас совершенными святошами, другие уверяли, что у нас в системе заводить вольность; а это делалось около времени Французской революции. Третьи – что мы привлекаем к себе народ и в таком намерении щедро раздаем милостину. Иные рассказывали, что мы беседуем с духами, не веря притом существованию духов, и разные разглашали нелепости, которым столько ж неблагоприятно верить, сколько не похвально распускать их [Там же, с. 20].

При написании этих строк Лопухин, безусловно, имел в виду Екатерину II. Именно она, создавая свою мифологию масонов-мартинистов, изображала их и вольнодумцами, и духовидцами, и шарлатанами, привлекающими к себе народ мнимой благотворительностью. Но, несмотря на абсурдность этих обвинений, большинство общества за семь лет подготовки правительственных репрессий им поверило, приписывая именно масонам накануне и во время Французской революции «грехи» вольтерьянцев и якобинцев.

Третий этап преследований уже непосредственно перед началом процесса Н. Новикова, князя Н. Трубецкого и И. Лопухина ознаменовался активным отказом от масонства русской придворной аристократии, которая в 1760–1770-х гг. почитала за честь состоять в ложах. В результате Лопухин с горечью констатирует:

Много имели мы неприятелей, а защитников с голосом никого, ни при дворе, нигде. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаях простодушно говорили правду о цели и упражнениях нашего общества; но нам не верили [Лопухин, 1860, с. 22].

При описании гонений на мартинистов, начавшихся в России с апреля 1792 г., Лопухин позволяет себе в целом не свойственную для стиля его записок иронию. Особенно это касается описания репрессий против Н. Новикова, которого берут под стражу «с крайними предосторожностями и с такими воинскими нарядами, как будто на волоске тут висела целостность всей Москвы» [Лопухин, 1860, с. 38]. Во главе операции – главнокомандующий Москвы князь А. А. Прозоровский, «любитель и любимец жестокосердной Беллоны», ревностно выполняющий повеление императрицы [Там же, с. 47]. Желая дискредитировать князя, мемуарист приводит мнение относительно этой «операции» графа Кирилла Разумовского, смеющегося над «мужеством» главнокомандующего, не побоявшегося с великим караулом взять «старичонку, скорченного гемороидами» [Там же, с. 39], хотя назвать «старичонком» 48-летнего мужчину даже по меркам XVIII в. будет некоторым преувеличением.

В третьей книге описывается Прозоровский, который «везде видел зло и опасность», по приказу императрицы допрашивал Лопухина «гораздо свысока и жестко» и давал ему вопросные листы, правленные самой императрицей [Там же, с. 34, 40]. Мемуарист утверждает, что важнейшие из этих вопросов «метились на подозрение связей с... ближайшей к престолу особой», то есть с великим князем Павлом Петровичем [Там же, с. 41]. Тем самым автором сознательно дается установка на политизацию процесса мартинистов, причины которой он отказывается понимать, как не понимает крайней подозрительности императрицы, которая «при отлично великом уме своем и чрезвычайной проницательности не может открыть невинность нашего общества и успокоиться от напрасных на него подозрений» [Там же, с. 37]. Думается, в данном случае Лопухин был не совсем искренен со своими читателями. Надежды на будущего императора Павла Петровича в масонской среде были достаточно велики. Не случайно М. Херасков посвятил свою масонскую поэму «Владимир Возрожденный» именно Павлу Петровичу, а сам Лопухин в начале царствования императора Павла I пережил стремительный взлет своей государственной карьеры, став действительным тайным советником, сенатором, статс-секретарем императора. Но для того чтобы одержать победу в «духовной брани» с императрицей, необходимо было прежде всего решительно отвергнуть все политические обвинения, включая контакты с герцогом Фердинандом Брауншвейгским, и рассмотреть всю деятельность московских мартинистов в контексте масонского просвещения личности с целью добиться ее духовного возрождения. Именно этому, по утверждению Лопухина, способствовала книгоиздательская деятельность мартинистов, поскольку

...на каждой странице... почти каждой из них найдете вы поучение, что надобно истреблять в себе самолюбие, смиряться, все сносить, принимая все от руки Божией, покоряться властям, как от него поставленным, и тому подобное [Лопухин, 1860, с. 37].

В данном случае у Лопухина уже не было ровным счетом никакой неискренности или фигуры умолчания, так как ответы полностью согласовывались с совестью мемуариста, действительно, как и его товарищи-масоны, не вынашивавшего мятежных замыслов ни против российской империи, ни против лично императрицы Екатерины II. Мемуарист свидетельствует:

...на все отвечал я со всею искренностью и очень подробно. Нигде по совести не обвинил я ни себя, ни общество. Везде изъяснял пользу цели его и упражнений [Там же, с. 57].

Однако не эта установка и не эти конкретные ответы спасли Лопухина перед лицом государыни, освободив его от ссылки в отдаленные деревни, но причины личного характера, заключающиеся в чувствительной натуре мемуариста и его умении апеллировать не только к разуму, но и к сердцу императрицы⁴, к совести власти. Вместе с ответами на вопросы Лопухин посылает государыне личное письмо, в котором в самых трогательных выражениях изъясляет свою невинность. По его собственному признанию, «писав его, я подлинно плакал – обливался, можно сказать, слезами» [Там же, с. 47], что Прозоровский посчитал проявлением страха перед неизбежным наказанием. В письме Лопухин, в частности, писал:

Государыня! Я не злодей! Я один из вернейших твоих подданных и сынов Его. Мать моя! Я исполнен нежнейшею к тебе любовью. Никогда мысль одна против тебя не обращалась в душе моей [Там же, с. 46].

Завершил свое письмо Лопухин так:

Итак, не слезами страха и ропота печатлею его; но слезами чувствительного сердца, во всей полноте ощущающего невинность свою – и любящего – смею сказать – добродетель [Там же].

Это письмо возымело свое действие. Лопухин свидетельствовал в записках:

Государыню тронули ответы мои до слез, как я слышал от Василия Степановича Попова, который читал их перед нею также в слезах. <...> Госуда-

---

⁴ Влияние сентименталистской эстетики в «Записках» проявляется достаточно отчетливо. Не случайно автор завершает свои записки строками из... своего завещания, написанного им еще в конце XVIII в., когда он был тяжело болен и думал о смерти. Это завещание является ярчайшим памятником чувствительной сентиментальной эпохи, к которой принадлежал и мартинист Лопухин [Лопухин, 1860, с. 171].

рыня, с такими чувствами приняв мои ответы, точно переменяла обо мне свое заключение и решила освободить меня от ссылки [Там же, с. 62].

Причем она сделала это уже после того, как сама собственноручно подписала указ о ссылке Лопухина – случай небывалый в политической практике Екатерины II.

В этой нравственной победе проявляется очевидное торжество масонского мифа о человеке, как его понимали Лопухин и большинство русских мартинистов. Данное обстоятельство произвело такое впечатление на самого Лопухина, что в 1794 г. он написал драму под названием «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судия». В этом произведении он предвещает будущий конфликт «Ябеды» В. Капниста в контексте масонского дискурса этического взгляда на человека. Его Самолюбов, мечтающий при помощи доноса захватить чужие земли и шантажирующий честного судью Правдолюбова отказом выдать свою дочь Нежну за его сына Честодума, в финале пьесы переживает настоящее нравственное возрождение, связанное с переживаниями о тяжелой болезни дочери, вызванной этим отказом. Думается, что для самого Лопухина такой финал не казался априори утопическим. Несколько раз в жизни он переживал подобное возрождение: молясь о выздоровлении матери, прося прощения у своего слуги. Подобные факты, нашедшие отражение в его «Записках», давали возможность автору верить в жизнеспособность «духовного рыцаря», относя самого себя к наиболее ярким представителям этого этического типа масонской культуры.

Список литературы

- Арендт И. Об истинном христианстве. М. : Тип. И. В. Лопухина, 1784. 595 с.
- Бартенев П. <О записках Лопухина> // Рус. архив. 1884. № 1. С. 1–4.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 220 с.
- Болдырев А. И. Основные черты концепции человека в русском масонстве II половины XVIII века // Болдырев А. И. Проблема человека в русской философии XVIII в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 78–109.
- Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999. 567 с.
- Всякая всячина. 1769. 1 мая. 502 с.
- Довнар-Запольский М. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. М. : Задруги и К. Ф. Некрасова, 1991. Т. 2. С. 118–135.
- Драгайкина Т. А. Усадьба как философский текст: имение И. В. Лопухина Савинское и Ретяжи // Культура и текст. 2008. № 11. С. 234–244.
- Драгайкина Т. А. Литературная и издательская деятельность И. В. Лопухина: мировоззренческие основы и стратегии жизнотворчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : [Б. и.], 2011. 17 с.
- Екатерина II. Сочинения Екатерины II. М. : Сов. Россия, 1990. 282 с.
- Ивинский А. Д. Литературная политика Екатерины II : Журнал «Собеседник любителей российского слова». М. : Либроком, 2012. 120 с.

- Кочеткова Н. Д. Екатерина II и масоны // Екатерина Великая: эпоха российской истории : тез. докл. междунар. конф., г. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб. : СПбНЦ, 1996. С. 142–144.
- Лонгинов М. Мартинисты и их противники // Современник. 1857. № 4. С. 252–267.
- Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб. : Лань, 2000. 672 с.
- Лопухин И. Некоторые черты о внутренней церкви. СПб. : [Б. и.], 1816. 174 с.
- Лопухин И. В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительно тайного советника, сенатора И. В. Лопухина. М. : Университет. тип., 1860. 172 с.
- Лопухин И. В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М. : ВГБИЛ ; Всерос. музей им. Пушкина, 1994. 60 с.
- Лотман Ю. М. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу // Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. VI. Вып. 139. Тарту : Тартуск. гос. ун-т, 1963. С. 281–297.
- Пиксанов Н. К. И. В. Лопухин // Массонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. М. : Задруги и К. Ф. Некрасова, 1991. Т. 1. С. 227–255.
- Румянцев С. П. Автобиография // Рус. архив. 1869. Вып. 5. Стб. 839–854.
- Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II : Секретно-вскрытая переписка. 1790–1795 // Русская старина. Т. 9. 1874. № 1. С. 57–72; № 2. С. 258–276.
- Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков: масонство в русской литературе XVIII – начала XIX в. М. : Жираф, 2000. 216 с.
- Сахаров В. И. Русская масонская поэзия XVIII в.: к постановке проблемы // Рус. лит. 1996. № 2. С. 3–26.
- Соловьев О. Ф. Масонство : словарь-справ. М. : Аграф, 2001. 432 с.
- Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Версты. 1927. № 2. С. 145–184.
- Херасков М. М. Владимир Возрожденный : эпическая поэма // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные : в 12 ч. М. : Тип. М. Пономарева, 1809. Ч. 2. 294 с.
- Янушкевич А. С. Диалог И. В. Лопухина и Н. М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и русская литература XVIII – нач. XIX в. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 156–163.

References

- Arndt, I. (1784). *Ob istinnom khristianstve* [On True Christianity]. Moscow, Tipografiya I. V. Lopukhina. 595 p.
- Bartenev, P. (1884). <O zapiskakh Lopukhina> [About Lopukhin's Notes]. In *Russkii arkhiv*. No. 1, pp. 1–4.
- Berdyayev, N. A. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Sources and Essence of Russian Communism]. Moscow, Nauka. 220 p.
- Boldyrev, A. I. (1985). Osnovnye cherty kontseptsii cheloveka v russkom ma-sonstve II poloviny XVIII veka [The Main Features of the Concept of the Person in the Russian Freemasonry of the Second Half of the 18th Century]. In Boldyrev, A. I. *Problema cheloveka v russkoi filosofii XVIII v.* Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 78–109.
- Catherine II. (1990). *Sochineniya Ekateriny II* [Works of Catherine II]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 282 p.
- Dovnar'-Zapol'skii, M. (1991). Pravitel'stvennye goneniya na masonov [Government Persecutions of the Masons]. In *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem*. 2 Vols. Moscow, Zadrugi i K. F. Nekrasova. Vol. 2, pp. 118–135.
- Dragaikina, T. A. (2008). Usad'ba kak filosofskii tekst: imenie I. V. Lopukhina Savinskoe i Retyazhi [The Manor as a Philosophical Text: I. V. Lopukhin's Savinskoe and Retyazhi Estates]. In *Kul'tura i tekst*. No. 11, pp. 234–244.
- Dragaikina, T. A. (2011). *Literaturnaya i izdatel'skaya deyatel'nost' I. V. Lopukhina: mirovozzrencheskie osnovy i strategii zhiznetvorchestva* [I. V. Lopukhin's Literary and Publishing Activity: The Bases of his World Outlook and Strategy of Life and Creative Work]. Avtoref. dis.... kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk, S. n. 17 p.

Fedotov, G. P. (1927). Tragediya intelligentsii [The Tragedy of the Intelligentsia]. In *Versty*. No. 2, pp. 145–184.

Ivinskii, A. D. (2012). *Literaturnaya politika Ekateriny II. Zhurnal "Sobesednik lyubitelei rossiiskogo slova"* [Catherine II's Literary Policy. The *Sobesednik Lyubitelei Rossiiskogo Slova* Magazine]. Moscow, Librokom. 120 p.

Kheraskov, M. M. (1809). Vladimir Vozrozhdennyi. Epicheskaya poema [Vladimir Vozrozhdennyi. An Epic Poem]. In *Tvoreniya M. Kheraskova, vnov' ispravlennye i dopolnennye*. 12 Parts. Moscow, Tipografiya M. Ponomareva. Part 2. 294 p.

Kochetkova, N. D. (1996). *Ekaterina II i masony* [Catherine II and Masons]. In Artem'eva, T. V., Mikeshin, M. I. (Eds.). *Ekaterina Velikaya: epokha rossiiskoi istorii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii, g. Sankt-Peterburg, 26–29 avgusta 1996 g.* St Petersburg, Sankt-Peterburgskii nauchnyi tsentr, pp. 142–144.

Longinov, M. (1857). Martinisty i ikh protivniki [Martinists and their Opponents]. In *Sovremennik*. No. 4, pp. 252–267.

Longinov, M. N. (2000). *Novikov i moskovskie martinisty* [Novikov and Moscow Martinists]. St Petersburg, Lan'. 672 p.

Lopukhin, I. (1816). *Nekotorye cherty o vnutrennei tserkvi* [Some Characteristics of the Interior Church]. St Petersburg, S. n. 174 p.

Lopukhin, I. V. (1860). *Zapiski nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby deistvitel'nogo tainogo sovetnika, senatora I. V. Lopukhina* [Notes on Some Circumstances of the Life and Service of Privy Councillor Senator I. V. Lopukhin]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 172 p.

Lopukhin, I. V. (1994). *Iskatel' premudrosti, ili Dukhovnyi rytsar'* [The Spiritual Knight, or the Seeker of Supreme Wisdom]. Moscow, Vserossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka inostrannoi literatury, Vserossiiskii muzei imeni Pushkina. 60 p.

Lotman, Yu. M. (1963). "Sochuvstvennik" A. N. Radishcheva A. M. Kutuzov i ego pis'ma k I. P. Turgenevu [A. N. Radishchev's "Confederate" A. M. Kutuzov and his Letters to I. P. Turgenev]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. VI. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet. Iss. 139, pp. 281–297.

Piksanov, N. K. (1991). I. V. Lopukhin [I. V. Lopukhin]. In *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem*. 2 Vols. Moscow, Zadrugi i K. F. Nekrasova. Vol. 1, pp. 227–255.

Rumyantsev, S. P. (1869). Avtobiografiya [An Autobiography]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 5, Stb. 839–854.

Russkie vol'nodumtsy v tsarstvovanie Ekateriny II. Sekretno-vskrytaya perepiska. 1790–1795 [Russian Freethinkers under Catherine II. Confidentially Opened Correspondence. 1790–1795]. (1874). In *Russkaya starina*. Vol. 9. No. 1, pp. 57–72; No. 2, pp. 258–276.

Sakharov, V. I. (1996). Russkaya masonskaya poeziya XVIII v.: k postanovke problemy [Russian Masonic Poetry of the 18th Century: On the Articulation of the Issue]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 3–26.

Sakharov, V. I. (2000). *Ieroglify vol'nykh kamenshchikov: masonstvo v russkoi literature XVIII – nachala XIX v* [Hieroglyphs of Free Masons: Freemasonry in the Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Zhiraf. 216 p.

Solov'ev, O. F. (2001). *Masonstvo. Slovar'-spravochnik* [Freemasonry. A Dictionary and Reference Book]. Moscow, Agraf. 432 p.

Vernadskii, G. V. (1999). *Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II* [Russian Freemasonry under Catherine II]. St Petersburg, Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova. 567 p.

Vsyakaya vsyachina. 1769. May 1. 502 p.

Yanushkevich, A. S. (2000). Dialog I. V. Lopukhina i N. M. Karamzina ("Dukhovnyi rytsar'" i "Rytsar' nashego vremeni") [I. V. Lopukhin and N. M. Karamzin's Dialogue (*The Spiritual Knight* and *The Knight of Our Time*)]. In *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v*. Moscow, Editorial URSS, pp. 156–163.

The article was submitted on 25.06.2018